

Степан Лобозеров

В СТА ШАГАХ ОТ ПРАЗДНИКА

ТРАГИКОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Виктор Петрович - в пределах 40-50 лет

Игорь - его сын, старшеклассник

Ксения Семеновна (Бабка) – теща Виктора

Семен - Бывший режиссер, друг детства Виктора

Ирина - бывшая учительница

Света - ее дочь, старшеклассница

Федор Петрович - бабкин «компаньён», бывший шофер.

Действие происходит в областном городе в 90-е годы прошлого века.

Действие первое

Картина первая

Комната стариков, с трудом вместившая в себя две кровати, столик и тумбочку. В комнате очень подвижная Бабка и почти не подвижный Дед. Так как Дед почти ничего не слышит, разговор Бабка ведет больше сама с собой.

БАБКА. Вчера пошла городского чего-нибудь присмотреть, да и вышла прямиком на магазин. Зашла, огляделась, а там со всех сторон красота неопишуемая: и бумажные тебе цветочки и железные, и чуть ли тебе не алебастровые! А оградки в ряд, словно по разнорядочке: и с шишечками и с прутичками, и с цепочками, чуть ли не

медными. А венки – не знаешь, на каком и глаз остановить. И все это блестит, переливается и словно бы подмигивает тебе, чего, мол, стоишь, думаешь, ложись да и помирай – видишь сколько всего для тебя наготовлено! *(Деду кричит в ухо)* Слышишь, чего говорю то?

ДЕД. Чего то уж шибко видно интересного, раз такая довольная.

БАБКА. И точно раньше по всей деревне надо было бегать да все искать для похоронок, а теперь...! Он еще живехонький, да здоровехонький ходит, да покойничек то, еще может даже лыбиться чему то, а там уже все для него приготовлено, как есть все, как словно бы для передовика производства какого. Вот чего достигли! Раньше кто как мог, помирали, на свое усмотрение, а теперь хоть вся деревня в раз рядочком ложись – на всех всего хватит! Такого даже и при коммунизме не обещали!

ДЕД. Это еще не про меня? Про мое-то еще не начинала еще?

БАБКА. Я говорю – все там будем, а ты что особенный? Сначала жить с удобствами привыкали – приглянулось. А теперь и помирать со всеми удобствами навострились.

ДЕД. Ты ему вот что скажи...

БАБКА *(перебивает)*. Погоди со своим, тут сначала с главным разобраться надо. Ведь он видишь, что задумал, зятек то мой переученный: квартиру эту продать и ехать всем то ли в белый, то ли в желтый дом на речку какую-то. Он же думает, что в своем доме только зарядку делают, да фотографируются! Дом свой захотел, а сам - гвоздя вбить не умеет!

ДЕД. Его ругаешь то или меня уже?

БАБКА Его, его ты лежи пока. На «просторы» он захотел, вам дескать там лучше будет. Как будто мы не знаем, как быкам хвосты крутят. На «просторах» то это значит снова в глухую ночь, да самому глухому в дальнюю уборную пробираться! Только обрели на старости лет удобства эти самые и снова обратно? Да никуда мы отсюда не поедем, нас теперь отсюда и отравой не вытравишь!

ДЕД. Ишь ты ну и натворил он видно чего то.

БАБКА Квартиру он продавать вздумал! *(Обращаясь кому –то через стену)*. Да ты хоть знаешь, к примеру, кому, когда, какой товар всучить можно? Да не просто продавать еще и менять надумал. *(снова к стене)* Да с твоим умом, с твоим стажем в торговле, ты только на стайку эту квартиру сменяешь, да и то на гнилую!

ДЕД. Вот оно; поперек то идти, что значит! Такое видно, натворил что... а ты у него еще спроси когда он за машиной поедет.

БАБКА *(кричит Деду в ухо)*. Спросила уже, скоро сказал, собирается.

ДЕД. Разберут ее там, на запчасти, точно разберут; считай у чужих людей оставили. Ты ему скажи, что ребяташки у них шибко уж пакостливые возьмут да и сдадут полмашины на железо.

БАБКА (*кричит*). Сказала уже на ребяташек управу искать будет. (*обычным голосом, думая о своем*) не пол машины, а всю давно сдали и правильно сделали. Тут теперь не об машине твоей, а...

ДЕД. А про бензин то сказала, что я там целую бочку закопал?

БАБКА (*кричит*). Сказала, прибавила даже: две сказала, закопаны, обещал привезти.

ДЕД (*подскакивает*). Куда? Где он их тут куда поставит? А если милиция, откуда слил, спросят?

БАБКА (*кричит*). Не сюда, в другое место обещал.

ДЕД. Куда в другое?

БАБКА. В другое место к другим людям.

ДЕД. Каким людям?

БАБКА. К хорошим!

ДЕД. Чего?

БАБКА. Да что ж ты, еще про бензин теперь будешь донимать, которого уже сто лет нету вместе со всеми твоими железяками.

ДЕД. Чего?

БАБКА (*кричит*). Молчи! Лежи и молчи! Нишкни!

ДЕД. Так бы сразу и сказала, что за меня взялась (*затишает*.)

БАБКА. Вот так-то оно и лучше. (*Снова о своем*). А с другой стороны взять: какая же все-таки я неблагодарная! Да такого зятя днем с огнем на руках носить надо, а я его костерю как по расписанию. Ведь если его жена, а моя дочка померла, то и я ему теперь ни кем прихожусь. Вроде как дом сгорел, а ворота остались. А кому они тогда эти ворота нужны, к чему они? Тут и родных-то теперь вагонами в престарелый дом свозят, а уж нас-то таких давно взащей надо было. А он хоть и поглядит и иной раз так, задумчиво, а все равно худого слова не скажет. Нет, неблагодарная я. И как только ты-то с такой неблагодарной живешь.

ДЕД. Это точно.

БАБКА. Чиво-о?

ДЕД. Помирать, говорю, надо. Иначе, кто я такой теперь буду без машины?

БАБКА. А вот такой и будешь: глухой и без машины. Помирать ему вздумалось! Тебе-то что, помер, да и лежи, как лежал, а нам потом? Это только самый

безответственный может в такой момент думать про это. Ведь он, зятек то мой переученный, еще и парнишку самустил: тоже ждет переезда, не на радуется, а какая там школа на речке этой, об этом подумали? Да и обманут его, любой обманет без всякого зазрения. Нет, никак нельзя распродажи этой допустить.

ДЕД. А ты помнишь, сколько раз мы в Сухой Ручей за смородиной-то ездили?

БАБКА. Ну и что, при чем тут смородина?

ДЕД. И ведь ни разу она не сломалась на этой дороге, я специально лежал вспоминал. На всех других на каждом километре глохла, а тут ни разу. Это как понять?

БАБКА. Вот и вспоминай, лежи про себя какая у тебя умная машина была, да какими чудесами прославилась. А у меня по важнее дела имеются. И ведь напрямую – то ему не скажешь, что не хотим переезжать. Приютил их, подумает, а они еще и, кочевряжатся. Нет на прямую, тут не пойдет, тут как-то из под прилавка надо. Вон, Игорь вроде прибежал (*деду*) Лежи, вспоминай, а мне сегодня еще много сделать надо.

Картина вторая

Комната Виктора Петровича и Игоря. Размеры ее чуть побольше чем у стариков и расположена она на «другом конце» двухкомнатной квартиры, за кухней. Соединяет комнаты узкий коридорчик. Игорь собирает свои не хитрые пожитки в сумки и рюкзаки. Входит Бабка.

ИГОРЬ. Баб, ты только представь: сейчас приедут покупатели, все им сдадим и переедем в Белый дом на берегу Синей реки – ты только представь! А вокруг «заливные луга и лесные уголья»! Даже не верится, ты-то веришь?

БАБКА. А куда денешься, прикажут, и на луга переселишься.

ИГОРЬ. Причем здесь прикажут? Всегда ты не в тему. Ничего, как только переедем сразу стану великим рыболовом, вольным стрелком, егерем, браконьером... кем там еще-то можно?

БАБКА. Бичом деревенским.

ИГОРЬ. Ага, по-деревенски это пастух, значит, я им тоже буду. Как врублю дудочку, да как ломанут за мной все коровы...! А вас с дедом буду на лодке катать по всем заливным лугам и угольям.

(Входит Виктор, отец Игоря, зять Бабки, с большой старой вазой.)

ВИКТОР (*показывая вазу*). У Мироновых взял на время. Все-таки освежит, если с цветами.

БАБКА. А как же, да если еще поставить куда-нибудь.

ВИКТОР (*осматривает комнату*). И что здесь у нас? Стены ладно, тут уж ничего не сделаешь. Но полы, полы-то можно как-нибудь?

БАБКА. Так если их еще в молодости красили?

ВИКТОР. Значит, прикрыть чем-то надо в старости.

БАБКА. Прикроем, чего ж не прикрыть, подумаем да и прикроем.

ВИКТОР. Некогда, мать, некогда думать. Через час-полтора они уже здесь будут. Смотреть будут, пытаться будут и вообще, чего нам от них ждать одни хироманты знают.

ИГОРЬ. Пап, а у лодки моторной руль бывает? Ну, круглый, как у машины?

ВИКТОР. (*Смотрит на трубу - «стояк» сплошь облепленную «хомутами»*) Все у нас было бы: и лодка, и катер, и ветер, если б не вот эта «выставка старинных хомутов».

ИГОРЬ. Но ты же сказал, что обо всем уже договорился?

ВИКТОР. Я договорился, что они приедут и увидят нормальную квартиру с нормальной сантехникой, а не вот это все! Да еще с таким населением. Вы поймите, что если мы даже в подъезде евроремонт сделаем, вот эта коряга железная все перевесит. Так что закрыть любым способом! Все намного серьезнее, чем мы думаем.

ИГОРЬ. Баб, но ты-то все можешь? Сколько ты на свете прожила, сколько народа обманула, придумай что-нибудь!

БАБКА. Когда это я кого обманывала?

ИГОРЬ. А в магазине, сколько ты отработала?

БАБКА (*распрямляется*). Да, отработала, и строгая была. Любую очередь в руках держать умела. Да только не обманывала, не обвешивала, да что зря не продавала как ваши нынешние.

ВИКТОР. Вы что, не хотите переезжать?

БАБКА. Пошто ж не хотим-то? И полы вон уже помыли и протерли все, куда ж теперь отступать, теперь только за трубой дело.

ВИКТОР. Ну, так делайте, делайте у нас скоро и часа не останется!

БАБКА. Тогда уж прямо с трубы начинать надо.

ИГОРЬ (*Бабке, тыча в «стояк»*). Вот это закрыть надо. Но чтоб не видно было, что закрыто.

БАБКА. А чего ж не закрыть? Подумаем, да и закроем!

ИГОРЬ. Но мы уже с самого утра думаем!

БАБКА. Мы-то с дедом еще с вечера думать начали, а вот только сейчас и

пришло на ум.

ИГОРЬ. И что, что пришло?

БАБКА (*долго и внимательно смотрит на трубу*). Если уж закрывать, то лучше всего бантиками.

ИГОРЬ. Это как?

БАБКА. На каждый хомуток по бантику повесить. Оно и закроет, если ленточки пошире вырезать у нас в деревне, бывало, все так делали.

ВИКТОР. И как мы потом им объяснять будем, что это за бантики?

БАБКА. Да никак. Мы, мол, веселое любим, чтоб по ярче вот и весь разговор. А для отводу еще их развесить везде где-нибудь.

ВИКТОР. Понятно. Как они будут разглядывать хозяев этих веселых бантиков.

ИГОРЬ. Да она с самого утра специально. Так бы они, может, ничего не заметили, а уж от бантиков-то точно потащатся.

БАБКА. А если увидят, разглядят, так и мы подойдем, да вместе с ними удивимся: гляди-ка, мол, чего это там такоеросло под ними, пока мы тут с документами бегали?

ИГОРЬ. Видишь, пап? И вот так, по любому.

БАБКА. Как лучше хочу. Сами же велели спрятать, занавесить, а в деревне, бывало, чуть ли не сплошь, поголовно, все так делали.

ИГОРЬ. Что делали? Да у вас там и труб-то никогда не было!

БАБКА. Не было, так на другое чего вешали.

ИГОРЬ. А зачем на другое вешать, если там хомутов нет?

БАБКА. Пошто ж нет-то, и хомуты были. Только не такие, а настоящие.

ИГОРЬ. Ага, у вас там и хомуты особые были, для которых даже и труб не надо? Пап, ну что она гонит-то?

ВИКТОР. Да-а... Когда они нас увидят – это будет одно. Но, когда они нас еще и услышат... Знаешь, мать, я иногда тебя с трудом понимаю.

БАБКА. Так, а я лучше что ли? Иной раз совсем ничего понять не могу.

ИГОРЬ. Баб, но мы-то вообще, точно ничего понять не можем. Обо всем договорились, сейчас придут и зачем, кому эти заморочки нужны?

БАБКА. А я разве что сказала против? Ну и придут, и встретите и обсудите и об чем какой разговор-то?

ВИКТОР. И все это под бантиками?

БАБКА. Да бантики-то это я чтоб с толку сбить.

ВИКТОР. Тогда понятно.

ИГОРЬ. Это она нас, нас сбивает.

БАБКА. Пошто же нас-то, наоборот их. Как они зайдут, да как увидят трубу под бантиками, так сразу задумаются, да про все остальное-то и забудут. А вы, тем временем, все остальное-то им и всучите, под впичитлением.

ВИКТОР. Между прочим, даже под «впичитлением» мы никому, ничего никогда не всучива... не всуч... никому! Просто так уже повелось, что перед продажей квартиры ей придают товарный вид: затеяют ее недостатки.

БАБКА. Так, а я о чем? То же самое и говорю: если только ее не всучить, то кто же ее возьмет с такими недостатками?

ВИКТОР. Даже если бы они промолчали, мне самому было бы стыдно вот именно что всучать им все это.

БАБКА. Ясное дело: сначала надо все спрятать да занавесить чтоб не стыдно было, а потом уж и всучать можно.

ВИКТОР. Да поймите же вы, что нам выпал шанс, который бывает раз в жизни! И требуется от нас только полы помыть да трубу занавесить. Но мы и этого «совершить» не в силах. Да любой вид, любой подвид, если только задет его инстинкт самосохранения, стальные канаты порвет, рельсы перекусит, а мы...?

ИГОРЬ. Пап, но ты говори точно, что делать каждому, и мы тоже порвем и перекусим!

Виктор видимо хотел сказать что-то еще, но только глубоко и безнадежно вздохнул и молча вышел. Бабка и Игорь каждый по своему смотрят друг на друга.

Картина третья

Уголок то ли кладовки, толи летней кухни, в котором временно живут. Ирина, женщина лет сорока и ее дочь Света, старшеклассница, куда-то собираются.

ИРИНА. И никого мы не обманываем, и обманывать не собираемся. Не я устанавливала правила игры, и вообще, не я все это придумала. Начиталась за зиму и живешь теперь в каком-то.... А пора выйти оттуда и осмотреться. И присмотреться пора как теперь живут и что вокруг делается.

СВЕТА. А на что тут смотреть?

ИРИНА. Я тебе не про это говорю, а про то, куда мы сейчас поедем. Надо жить

в реальном мире и по реальным законам. А устанавливаем их не мы.

СВЕТА. Мам, но они же все равно приедут и все увидят своими глазами!

ИРИНА. А документы на что? Вот попробуй подкопайся к чему-нибудь, все здесь указано.

СВЕТА. Но они же приедут и увидят?

ИРИНА. Вот и надо, чтоб не увидели.

СВЕТА. А как? «Белый дом, на берегу»... Какой он белый, он вообще некрашенный. «На берегу синей реки». А речка почему синяя?

ИРИНА. А какая она должна быть? Красная? Или желтая, чтоб про Китай подумали? Это реклама, понимаешь – реклама, а она всегда цветная. И для нее не важно, что есть на самом деле, а важно как это выглядит и как звучит: «Белый дом на берегу синей реки, с заливными лугами и лесными угожьями». Слышишь, вполне современно и в тоже время ностальгия по давнему давнему прошлому.

СВЕТА. Зачем ты им еще какие-то угожья впариваешь? Нас же посадят, как аферистов каких.

ИРИНА. Я тебе уже объяснила, это реклама, на ней все держится, и придумала ее не я. Ну, давай, давай, напишем и сообщим, что дом не достроен, отопление не работает, что рядом дикая зона отдыха и пьяные отморозки каждую ночь долбят в окна и двери этого дома, что весь огород они еще весной с корнями вырывают на закуску, что... Только все, все надо вспомнить, чтоб все было честно и благородно и уж тогда отбоя не будет от покупателей. Ты еще скажи спасибо, что я литературу вела, а не математику. А то б указали одни квадраты да сотки, а на цвет, на воздух, на просторы зеленые, на память историческую не хватило бы ни ума, ни воображения. А надо уметь продать все, что тебя окружает. «Некрашенный»... Ну и им же лучше: в какой захотят, в такой покрасят. И потом, он же знает уже, что белый, я же ему сказала.

СВЕТА. Да-а... А вот когда совсем узнают..!

ИРИНА. Послушай, дорогуша, ты, что хочешь здесь насовсем остаться?

СВЕТА. Нет, не хочу.

ИРИНА. Тогда слушай, что тебе говорят, и делай. Времена сантиментов прошли, и если мы будем думать, о ком-то и не будем думать о себе, то вскоре нас ждет даже не благоустроенное городское кладбище, а замшелый деревенский погост.

СВЕТА. Мам, я боюсь.

ИРИНА. Ты думаешь, я не боюсь и с каждой попыткой все больше. Но не надо бояться, ты уже большая девочка.

СВЕТА. Но они же сразу увидят, что я боюсь, мам, может, я не поеду?

ИРИНА. Опять за свое? Во-первых, ты сама прекрасно знаешь, что я не могу тебя здесь оставить одну. И потом – хватит, дорогуша! Ты уже не маленькая и мы теперь должны все делить на двоих. Так как больше не на кого. Так как папочка твой смотался, очень благородно оставив нам эти хоромы. И мы теперь вместе должны думать как из них выбраться. И так, что мы имеем? Документы. И образ, символ счастья – белый дом, на берегу синей реки.

СВЕТА. ... С живописными приморскими пляжами. Mam, но они же все равно приедут и увидят сами, сколько раз уже было.

ИРИНА. Ты что, не веришь в чудо, думаешь, на свете чудес не бывает? Еще как ошибаешься, дорогуша! Да на свете знаешь сколько их происходит? А нам и надо-то маленькое, ну совсем малюсенькое чудочко, чтобы только здесь еще на одну зиму не остаться, чтобы только выжить. И когда это чудо совершится, мы снова окажемся в городе и везде: и справа и слева, и вверху и внизу, везде будут люди, а мы с тобой в самой серединочке. И никому не будет дела кто мы, откуда и где наш папочка.

СВЕТА. В командировке.

ИРИНА. Ну, да в командировке и никого не будет интересоваться, почему она не заканчивается.

СВЕТА. Да. Только вот чудес не бывает, мамочка.

ИРИНА. Что ты знаешь? Что ты понимаешь? Все, пошли, в дороге додумаем.

Картина четвертая

«Большая» комната. Игорь ставит в принесенную отцом вазу где-то добытые искусственные цветы. Из своей комнатки выходит бабка.

ИГОРЬ. Баб, смотри, что я достал – как живые, с ними вообще угарно будет.

БАБКА. А как же с ними – то совсем другой разговор. Это я вчера зашла в магазин похоронный, а там вот точно такие же и всяких разных расцветок.

ИГОРЬ. Ну, спасибо! (*Отстраняясь от цветов*). От них даже запах пошел. Все, я с тобой в паре больше работать не буду!

Входит Виктор

ВИКТОР. И что, все на том же месте? Но полы то хотя бы спрятать можно, мы же договорились.

БАБКА. Так сразу уж, потом, перед тем как... а то сами же и затопчем.

ВИКТОР. Да какого еще-то «перед тем» если они с минуты на минуту могут!

БАБКА. Только соберусь, а тут чего-нибудь важное.

ВИКТОР. (*Игорю*) Сбегай к Миронову, спроси, чем вот это (*кивает на стояк в хомутах*) занавесить можно. (*В след*) И таблеток спроси, от умственного перенапряжения. С запасом – еще думать будем.

(*Игорь уходит. Длинная тяжелая пауза.*)

БАБКА. Шибко-то уж сильно чистоту наводить оно тоже... Это у нас в деревне была одна, ну такая, чистюля, просто до безгливости: Хлеб, принесет с магазина, да тут же его с мылом и вымоет. А я потом, полдня однако ходила, да все думала: неужто, думаю, она его хозяйственным моет? Это как же его потом есть-то, если он, к примеру, портянкой стираной отдавать будет? А ведь, чуть ли, не почти что за умную считала себя, да я-то: в магазине тогда уже работала.

ВИКТОР. А сейчас на кого работаешь?

БАБКА. Это как?

ВИКТОР. А так: все с подтекстом, с двойным дном, все зашифровано.

БАБКА. Да ты об чем говоришь-то?

ВИКТОР. Ну, виноват я перед вами, знаю, помню. Обещал выкупить дом ваш проданный и не могу пока. Но ведь там-то для вас будет в сотню раз лучше: та же природа, плюс удобства, такой домина и все благоустроено. Ничего не могу понять.

БАБКА. Ты что, мой дом, да и квартиру свою хорошую для себя что ли продавал? Мою же дочку хотел спасти, вылечить.

ВИКТОР. Жену свою. Мать моего ребенка.

БАБКА. Ну так жену, а мою дочку. И что ж я теперь тебе за это предъявлять должна, за кого ты меня считаешь-то?

ВИКТОР. Ну, а что тогда? Кто из нас больше всего радоваться должен, что из этой мышеловки на природу вырвемся, кто?

БАБКА. А кто нас, когда учил радоваться-то? Дед вон, даже от щекотки, рассказывал, и то не смог засмеяться, кряхтел только.

(*Входит Игорь*).

ИГОРЬ. Ничего не могли придумать, до самого потолка только лестница бывает, а сквозь нее все видно.

ВИКТОР. Значит, самим думать придется. И вот еще: квартира наша – сами видите не из лучших. Это мягко говоря. Но если в добавок к этому вы начнете излагать перед ними свои мысли вслух, тогда...тогда будет очень весело, но не нам. Поэтому: молчать, молчать и молчать.

БАБКА. Немыми что ль притвориться?

ВИКТОР. Не надо притворяться! Вообще ничего делать не надо, только смотреть, слушать и молчать.

ИГОРЬ. А если спросят чего?

ВИКТОР. Я буду рядом.

БАБКА. На вас значит показывать? Вроде того, что мы, мол, слышать-то слышим, только говорить запретили? *(показывает это жестами для немых)*

ВИКТОР. Говорите, не запрещаю, только после того как они уйдут. А до этого соберитесь, поднатужьтесь и уж как-то постарайтесь ввести их в заблуждение: пусть им хотя бы в первые минуты покажется что перед ними люди разумные, которых не так – то просто провести.

БАБКА. Так если мы молчать-то будем, как они поймут что мы умные?

ВИКТОР. По походке. *(Стук в дверь).* Как, уже? А почему стук, почему звонок не работает?

ИГОРЬ. Когда? С хомутами этими.

ВИКТОР. И что мы теперь, вообще не будем открывать?

(Игорь бежит открывать, Виктор беспомощно оглядывает так и не приведенную в товарный вид квартиру. Входит Семен, друг детства Виктора, за ним Игорь).

СЕМЕН *(Бабке).* Здравствуй, суровая, но справедливая старушка!

БАБКА. И ты здравствуй, колобок бесхозный.

СЕМЕН. Вы что, в засаде? *(Из малой комнаты выходит дед.)* Здорово, дедок!

ДЕД. Что?

БАБКА *(деду)* С тобой здороваешься.

ДЕД. Кто?

БАБКА. Вон, колобок.

СЕМЕН. Вот и будь после этого вежливым, три раза обозвали.

ДЕД *(Кричит Семену).* Аппарат заказал новый для ушей и два месяца не могу дождаться.

БАБКА *(Деду).* Да он-то тебе что достанет, он сам зависимый.

ВИКТОР. *(наконец взрывается)* Послушайте, вы, все! Они могут войти в любую минуту, а у нас...

БАБКА *(кивая на деда).* Так в уборную вышел, в туалет пройти, а тут такая ревизия.

ИГОРЬ. Пап, давай каждому задание, а то я один.

ВИКТОР *(Крепко взяв Семена выше локтя, остальным).* А вы придумайте,

занавесьте, решите, наконец... (*натывается на деда*) А потом с дедом! (*Уводит Семена на кухню*)

БАБКА. А потом, дескать, с дедом. А чего с дедом-то?

ИГОРЬ. Да увести чтобы.

БАБКА. Если увести, так он так бы и приказал: увести. А то думайте, дескать, решайте с трубой, а потом с дедом, советуйтесь, значит.

ИГОРЬ. Как с ним советоваться, если он ничего не слышит?

БАБКА. Сама думаю. Но сказал-то он явственно, а потом, дескать, с дедом советуйтесь.

ИГОРЬ. И что, около деда теперь будем стоять?

БАБКА. Так, а чего нам около него стоять, чего он нам глухой присоветует-то? Тут хоть до утра стой, хоть до вечера, в ответ все равно одна немота будет. Пусть уж в уборную идет, раз собрался, а мы уж сами как-нибудь с канализацией решать будем.

Картина пятая

Виктор, все так же крепко держа Семена за руку, вводит его на кухню.

СЕМЕН. Бить будешь? (*Виктор отпускает, наконец, его руку*) Что у вас тут, покупателя нашел?

ВИКТОР. Меняем. И сейчас должны подойти.

СЕМЕН. Теперь же не меняют?

ВИКТОР. Она сказала можно, чтобы побыстрей. Каким-то там взаимозачетом или погашением не разобрал. Ты же наешь, всем этим хозяйственным всегда Надя занималась.

СЕМЕН. С кем говорил?

ВИКТОР. Женщина по телефону. Вот я и хочу с тобой... Ты же умеешь с этими... дамами. А то я за себя боюсь: нервный стал как пудель. Сделаешь?

СЕМЕН. И кем я должен представиться хозяин-то ты?

ВИКТОР. Вроде юриста можно, для пущего...

СЕМЕН. И когда придут?

ВИКТОР. Точно не говорила, к обеду.

СЕМЕН. Значит к ужину. Известный приемчик: не торопимся, значит нам это

не очень-то и нужно, а мы, чтобы за это время до трясушки дошли от ожиданий несбыточных. Так что расслабься и успокойся, время есть.

ВИКТОР. Так ты сделаешь, поможешь?

СЕМЕН (*Достает газету и отдает Виктору.*) Вот, смотри, даже фотография.

ВИКТОР (*Смотрит*). А что здесь?

СЕМЕН. Смотри лучше. Не видишь – жмурик сидит с фужером.

ВИКТОР. Какой еще жмурик?

СЕМЕН. Ну, покойник, покойничек. Сидел, выпивал и крякнул. Квартиру только через полгода открыли, а он все сидел, выпивал.

ВИКТОР. И что ты ко мне с этим, поддержать решил?

СЕМЕН. Причем здесь ты? Ты не один живешь, это я один.

ВИКТОР. Слушай, Сень, ты же видишь что у меня? Нет помочь, а ты с какими-то...

СЕМЕН. А что у тебя, обмен? Так это раз плюнуть. Вот, то что жена, Надя, тут уж извини, конечно. Но тоже, ничего теперь не поправишь, не сделаешь. Да и она хоть не одна была. А тут еще один полноценный запой и буду, как этот жмур с фужером, наслаждаться одиночеством. Да сделаю я тебе этот обмен, сделаю.

ВИКТОР. У меня уже, чувствую, с головой что-то. Если со всем этим не получится, то дальше... даже не знаю.

СЕМЕН. Да, ты-то смотри, от одиночества не страдаешь. Так оформи в дом престарелых. Теперь там говорят, вполне нормально, сам бы пошел.

ВИКТОР. Вот и иди. А я родную бабушку своего сына никуда сдавать не собираюсь. А она старика своего не бросит, и правильно делает.

(*Квартиру заполняет колокольный звон, видимо Храм где-то совсем рядом*).

СЕМЕН (*слушает*). Никак не могу тут у вас привыкнуть. Праздник, что ли какой сегодня?

ВИКТОР. У них там каждый день праздник, только и делают, что празднуют.

СЕМЕН. А что ты на них так?

ВИКТОР. Это не я, это они до меня вот так каждый день докапываются. Как будто я им чего-то должен и они мне каждый день об этом напоминают. А я им ничего не должен.

СЕМЕН. Да ты что, Вить? Не надо так, нельзя.

ВИКТОР. Со мной значит все можно, а мне и сказать ничего нельзя? Если он действительно есть, то зачем он отобрал у меня Надю, что она кому плохого сделала? Или он не мог перенести, что какие-то маленькие человечки, устроили свое маленькое

счастье без него, сами? Этого он не мог перенести, что без него, сами?

СЕМЕН. Нельзя так, Витя! У тебя точно, с головой что-то.

ВИКТОР. Именно у меня отобрал, потому что знал: другой уже никогда не будет, никогда. Отобрал, а теперь каждый день еще и напоминает об этом и после всего я же еще и должен остался?

СЕМЕН. Слушай, если ты будешь вот так – вообще повернись и уйду. *(Звон смолкает)*.

ВИКТОР. Все. Все. Но они точно достали меня своим ликованием. По поводу чего вот только, хотелось бы узнать. Все намного серьезней, Сеня, чем мы думаем, намного страшней, чем нам кажется.

СЕМЕН. Вить, ты мне не нагоняй всего этого. Я человек маленький, но конкретный: Бога боюсь, начальство почитаю, с соседями живу в мире и согласии. И на том стою.

ВИКТОР. Я бы то же хотел в мире, а они Игорюшку на счетчик поставили. И теперь, все лето на улицу не выходит.

СЕМЕН. Занял что ли?

ВИКТОР. Зачем ему? Шпана школьная же. Пропало там что-то накрученное, и на него записали. Хотя он – сам знаешь. И теперь все лето не выходит на улицу. Понимаешь, Сеня, стержня нет, стержня, на котором бы все держалось. От этого все... на кусочки разваливается. Реальность не видим, она где-то там в глубине, а на поверхности какие –то сценки дурацкие, анекдоты. И получается вся наша жизнь как сырье для анекдотов, понимаешь? Да подожди ты, мне же слово сказать некому.

СЕМЕН. Вот и говори конкретно. Знаешь же, что не люблю всей этой философии.

ВИКТОР. Куда еще-то конкретней? У меня жена умерла, для меня быть ничего страшнее не может, а снаружи какой-то дурацкий фарс про зятя и тещу. У нее единственная дочь умерла, тоже страшней ничего не бывает, а на поверхности какие-то бантики, какой-то хлеб с мылом. Под нами лава клокочет раскаленная, а мы над ней, на тонкой пленочке отплясываем.

СЕМЕН. Да, на природу тебе конечно требуется. *(Кивая на стены квартиры)*. Ну, а взамен-то что обещают за все это?

ВИКТОР. В том то и дело... У меня даже какой-то просвет появился. Представляешь: большой Белый Дом, на берегу Синей Реки, а вокруг заливные луга и лесные уголья. Это что, тоже теперь продается вместе с домами?

СЕМЕН. Теперь все продается. А река почему синяя?

ВИКТОР. Не знаю, так сказала.

СЕМЕН. Синьку может недалеко сливают? Ладно, разберемся, но звучит красиво – классика. В общем – сделаю. Потому что вижу: это для тебя сейчас главное. Поэтому давай осматривать, чем мы располагаем и что за козыри будут в моем рукаве.

Картина шестая

Ирина и Света на скамейке в скверике.

ИРИНА. И район хороший, я его знаю. Здесь и школа недалеко и магазинов море. Светочка, девочка моя, неужели мы сидим у своего дома?

СВЕТА. «У своего...»

ИРИНА. А как же, если теперь там наша квартира. Наша квартира! В городе! Да еще и совсем недалеко от центра получается.

СВЕТА. Мам, не надо. А то правда поверим, а потом знаешь как плохо будет.

ИРИНА. Вот и надо верить, надо. Потому, что без этого ничего не получится.

СВЕТА. Но я боюсь.

ИРИНА. Не надо бояться, мы пойдем вместе, и ты будешь меня поддерживать, будешь мне помогать.

СВЕТА. Как? Они ж сразу увидят, что я боюсь, и все провалится. Я лучше здесь подожду.

ИРИНА. Мне некогда тебе сейчас вычитывать, некогда. Но ты пойми, запомни самое главное: никто за нас теперь ничего не сделает. Потому что никому до нас нет никакого дела. Никому! Папочка твой далеко и у него теперь своя жизнь, у сестры моей, тети Кати, тоже своя семья. А больше у нас нет никого. И если мы там будем замерзать на глазах у всех – никто пальцем не пошевелит. Поэтому рассчитывать ты можешь только на себя. Даже на меня не рассчитывай, я не вечная, а привыкай только на себя.

СВЕТА. Что я должна делать?

ИРИНА. Ничего. Даже говорить ничего не надо. Сиди и скучай. Вежливо так сиди и скучай.

СВЕТА. Как это?

ИРИНА. Ну, надоело тебе уже все, наскучило. Потому что когда все есть, быстро приедается. А нам, главное, произвести впечатление людей успешных, у которых все есть, и которым эта квартира так... каприз какой-то.

СВЕТА. И как это я изображу, что у меня все есть?

ИРИНА. Так и изобразишь, если просто будешь сидеть и скучать. А про себя думай, что если все это получится, то нам уже не надо будет бояться каждого стука, каждого шороха, не надо думать о воде, о дровах, о том, как выжить в этих снегах, вообще ни о чем не надо будет думать. Все будет расписано на неделю, на месяц, на год вперед. А ночью, если только вдруг подскочишь от какого стука или кошмара во сне, и сердце вот-вот выпрыгнет, надо будет только подойти к окну, за которым увидишь огни машин и ты сразу успокоишься: кругом люди и нет этого зловещего белого безмолвия. А помнишь, как ночью смотришь с балкона, а внизу бегут, бегут огоньки разноцветные. А как пахнет асфальт после дождя. Нет, я не плачу, я не плачу. Я просто выжимаю из себя все нюни, все эти сантименты, чтобы стать как один сплошной нерв. Мы же не знаем, кто там и что там, поэтому ко всему должны быть готовыми и реагировать на все моментально.

СВЕТА. Mam, я все буду делать, все, что скажешь, только я все равно боюсь.

ИРИНА. Да ты потом со смехом вспоминать будешь. Ты знаешь, на что человек способен, когда его сильно прижмет? О, да он тигра загрызет! И голова: так соображать начнешь, что сама потом не поверишь, откуда что взялось. Только помни, моя девочка, что эта игра, совсем не игра. Это экзамен. Выдержим, сдадим – значит впишемся и будем жить здесь. Не сдадим – и дальше будем зимой мерзнуть в снегах, а летом отбиваться от всяких отморожков... Все, по глубже вдохни, внешне расслабься, а внутри как стрела, как тетива лука. Все две ласковые, пушистые лисички пошли в гости к лопухим лохам – зайцам!

Картина седьмая

Комната. Игорь и бабка продолжают приводить квартиру в товарный вид.

ИГОРЬ. Нет, баб, это наоборот хорошо, что у нас все так закрутилось. Еще Цицерон говорил, что там, где ничего не происходит, там скоро произойдет крах. А у нас видишь, как все происходит сегодня.

БАБКА. Молчи, дескать, в тряпочку. Но не совсем же нам молчать, к слову-то, примерно, чего-нибудь сказать, наверно уж можно будет? Или, там, удивиться чему.

ИГОРЬ. Потом удивляться будем, когда переедем.

БАБКА. Ну, нет, если мы совсем-то немymi предстанем, то шибко уж много будет, на двухкомнатную-то.

ИГОРЬ. Чего это у нас много?

БАБКА. А ты посчитай, сколько получается: ты немой – раз, я немая – два, дед, глухой совсем – три, да еще у отца твоего даже походка изменилась как-то. Ведь они же ужаснуться могут: всего на двадцать восемь полезных квадратов и столько всяких разных.

ИГОРЬ (*тыча в трубу*). Вот, вот они чему ужаснутся, которое мы так и не спрятали.

БАБКА. Это уж потом, дополнительно. (*Комнату заполняет колокольный звон*). Праздник что ль, какой сегодня?

ИГОРЬ (*с отцовской интонацией*). У них там каждый день праздник, не знаешь что ли.

БАБКА. Нет, сегодня что-то шибко уж весело, какой-то большой праздник видно. Надо же, за сто шагов живем от праздника, а дойти, поглядеть все никак не соберемся. (*Слушают*). Ты мать-то вспоминаешь?

ИГОРЬ. А что?

БАБКА. Я так, аж бояться стала. Как только глаза закрою, так сразу вижу ее. Потому и говорю, не перестаю – как только замолчишь, так сразу про нее. Как вот ей теперь там? И чем помочь, не знаешь.

ИГОРЬ. Нормально у отца с головой. Просто он тоже о ней все думает. Вот если переедем, ему сразу лучше станет. (*Звон смолкает*). А вы с дедом каждый день у реки гулять будете. Прикинь, баб: под ручку! Слушай, баб, я понял, что нам с трубой делать, нам дедом, дедом надо им глаза замазать!

БАБКА. Чего?

ИГОРЬ. Ну отвлечь, чтобы они зашли, отпали и им уже не до трубы было.

БАБКА. А дед при чем?

ИГОРЬ. А ты посмотри на него: злой, ну, типа мужественный, молчит как индеец, это же полный ирокез! Представляешь, они заходят, а дед в индейском костюме, с перьями и томагавком! Он молчит на все вопросы, потому что глухой, а они думают, что он по рашен не врубается. Где бы вот только костюм достать, у Мироновых есть, нет спросить бы?

БАБКА. Тогда уж и меня наряди кем-нибудь – придумываешь чего зря. А если уж садить деда, то наган ему в руки дать, хотя бы игрушечный. А сверху написать на бумажке: сам, мол, глухой, а наган заряженный. Вот тогда-то им уж точно не до трубы будет, побегут, до самого дома не оглядываясь.

(*Из кухни выходят Семен и Виктор*)

СЕМЕН (*Оглядывая бабу, Игоря и весь интерьер*) Если я правильно понял, ремонтная бригада, марафетчики? (*Бабка и Игорь вопросительно смотрят на Виктора*).

ВИКТОР. Его теперь слушайте.

СЕМЕН. И на чем остановились?

ИГОРЬ. На трубе, на стояке, из-за него все и стало.

СЕМЕН (*задумчиво смотрит на трубу*). Нет, это не сантехника и не канализация, это у вас тут смертный грех материализовался как символ нашего времени.

ВИКТОР. Я уже договорился, на днях обещали прийти сделать, а тут этот вариант.

СЕМЕН (*продолжая оглядывать комнату*). Н-да... И что же я должен сделать, совершить? Вот это на особняк?

ВИКТОР. Да какой особняк!

ИГОРЬ. Простой коттедж.

СЕМЕН. Как, совсем простой и на это, на все?

А вы знаете, уважаемые гости, что совершить это невозможно, в принципе. Этого не сделать никому, нигде и никогда. Ни-ко-му. Кроме меня, естественно. Почему? А потому, что я личность многофункциональная и разноплановая и работу буду делать, филигранную, поэтому они мне еще и доплату выложат.

ВИКТОР. Да какую к черту доплату! Ты сделай, что тебя просят. Хотя бы!

СЕМЕН. А если мои запросы выше?

ВИКТОР. Не надо выше! Не надо больше! Вообще ничего чужого не надо. Но и своего... И давай как-то потише, без «этого». Здесь не застолье! И для нас это не представление. Для нас это...

СЕМЕН. Все? Тогда и меня послушайте такого простого и круглого. Во-первых, это разминка, понимаешь – разминка. Я должен войти в роль или как? А главное: я очень не люблю, когда меня во время работы за фалды дергают.

БАБКА. Семен-то он ушлый, он и правда с них сверх всего еще и бутылку требует.

СЕМЕН. Да, я ушлый, я профессионал. И требую свободы действий и внимания.

ВИКТОР. Ладно, делай, меня уже от всего этого... Да, пока не забыл: у них там звонок не работает. Могут поскрестись, подергать и развернуться.

СЕМЕН. Учтем. И откроем. Главное, самим поменьше дергаться. (*Бабке, кивая*)

на «стояк») И какие были предложения?

БАБКА. Так деда предлагалось посадить с наганом, чтоб вроде к трубе-то не подпускал. А я, однако, что-то сомневаюсь.

ИГОРЬ. Причем здесь не подпускал? Я сказал отвлечь, глаза замазать.

БАБКА. А уж если на счет глаз разговор, то лучше всего начадить.

СЕМЕН. В смысле?

БАБКА. А положить на сковородку чего-нибудь вонького и пусть на плитке чадит, пригорает. Главное, чтоб глаза побольше ело. Тогда они не то, что хомутов этих – стен не разглядят. У нас в деревне бывало – все так делали.

СЕМЕН. Нормально. И крепко и дешево. Только вот заострить надо. Значит, набираем три ведра воды, выходим на площадку, и как только они покажутся, выливаем им на головы. Тогда они не то что стен квартирных, входную дверь рассмотреть не успеют. У вас в деревне так делали?

БАБКА. Что ж у нас там... Это уж совсем беспредел какой-то.

СЕМЕН. Так что ж ты это нам подсовываешь? Что за игру ведешь, такая многомурая?

ИГОРЬ. Вот, это точно!

БАБКА. Что меня спрашивали, то я и говорила.

СЕМЕН. Все, отговорила. В закуток, к деду и тихо сидеть там, пока все не закончится. Потому что не люблю, когда за моей спиной, кто-то хитрей меня маячит. Все, я сказал. *(Бабка молча уходит. Семен продолжает входить в роль.)* Так, что-то еще, что-то еще требуется. Да, портфель, в руках должен быть портфель.

ВИКТОР. Зачем?

СЕМЕН. Но мы же договорились – юристом?

ВИКТОР. И что?

СЕМЕН. А то, что я привык все делать конкретно, по-настоящему, поэтому мне нужен портфель.

ВИКТОР. Да при чем здесь портфель, кто их теперь носит?

СЕМЕН. Ну, дипломат или папку какую. В руки мне, в руки надо, от этого вся правда жизни идет.

ВИКТОР. Слушай, ты, что здесь представление разыгрывать собираешься?

СЕМЕН. Я собираюсь до последнего стоять за твое правое дело. Но так как в делах, связанных с деньгами и недвижимостью, каждый второй жулик – я должен предстать перед ними таким, чтоб, как говорит твоя теща, они «в ужасе» забыли про все свои махинации. Или ты хочешь, чтоб у тебя и это последнее отобрали?

ВИКТОР. Я хочу нормального обмена, как договаривались.

СЕМЕН. Хотят одни, а получают другие.

ИГОРЬ. Вот, дядь Сень, папка, приличная.

СЕМЕН. Так. Теперь перо и бумагу.

БАБКА (*из-за занавески*). Шляпу-то попроси у кого-нибудь, да одень. Тогда настоящий прокурор будешь.

СЕМЕН (*Виктору*). По-моему мы о чем-то договаривались?

ВИКТОР (*бабке*). Мы же договорились!... (*Бабка исчезает*).

ИГОРЬ. Вот ручка и бумага.

СЕМЕН. Ага, теперь чувствую себя упакованным.

ВИКТОР. Да они уж давно развернулись и убежали, почуяли, кто их тут ждет.

СЕМЕН. Нет, это я чую – они рядом! И мы очень скоро посмотрим в глаза друг другу.

Конец первого действия.

Действие второе

Картина восьмая

Комната. Мизансцена первого действия. Стук в дверь. Семен жестом

показывает, чтобы встречали, а сам быстро выходит. Игорь распахивает дверь.

ИГОРЬ. А она и не закрыта была.

ВИКТОР. Да, входите, пожалуйста. *(входят Ирина и Света).* Входите, у нас всегда открыто, поэтому и звонок не работает, извините.

ИРИНА. А я знала, я просто была уверена, что мы встретим здесь хороших и открытых людей. Здравствуйте, я и моя дочь очень рады вас видеть.

ВИКТОР. Здравствуйте! Игорь, стулья. *(Игорь ставит стулья)*
Присаживайтесь.

(Садятся. Длинная пауза. Со стороны гостей откровенно дружелюбная, Виктора – заметно нервозная.)

ВИКТОР. А мы вот тут ждали, вместе с сыном.

ИРИНА. Ну может быть вы ждали каких-то важных гостей, а здесь вдруг мы?

ВИКТОР. Нет, нет с гостями у нас разговор особый. То есть...да у нас и есть один. То есть...сидели и ждали согласно договоренностям.

ИРИНА. А как бывает приятно, когда ожидания сбываются, верно? В наше время встретить умного и интеллигентного человека это уже многого стоит.

(Входит Семен, точнее происходит его явление)

СЕМЕН. А вот я бы не стал столь категорично на счет интеллигентности и особенно ума. Моя юридическая практика, знаете ли показывает обратное: верить глазам своим, а тем более словам при отсутствии нотариальной печати, это знаете ли нонсенс. И тем не менее -приступим. Итак, владелец данной жилплощади – мой давний, и что я бы особо отметил, законопослушный клиент, небезызвестный Виктор Петрович, преподаватель различных вузов, доцент и прочая, прочая. Его законный наследник, непревзойденный знаток ярких и убедительных высказываний и предложений, некто - Игорь. Ну, и наконец, моя скромная персона – Семен Васильевич, юрист обладающий правом заключать под стражу на месте преступления.

ИРИНА. А мы просто...Ирина Николаевна и Света.

СЕМЕН. Очень приятно. Более того – настроены на сотрудничество. И только прибавил бы: честное и откровенное. А то в моей практике, знаете ли, всякое бывало. Ждешь от клиента чистосердечных признаний, а в ответ... И все это на почве махинаций с недвижимостью.

ИРИНА. В таком случае предупреждаю вас заранее, что во всех этих юридических тонкостях я разбираюсь, как, извините, кот в немецкой грамматике.

СЕМЕН. А вот тут, пазвольте, не согласиться и напомнить, что не знание

законов еще никого не спасло от заслуженного возмездия.

ИРИНА. Простите, а от кого мы должны спасаться? У нас есть семейный юрист, который всем этим занимается. А в случае непредвиденных обстоятельств дает нам советы.

СЕМЕН. О, святая наивность! И вы, всерьез полагаете, что эти советы где-то, кого-то, когда-то спасли? Да уже сейчас камеры переполнены. Идешь мимо них по коридору после очередного изнурительного допроса, а оттуда руки, ноги и даже извините головы! Торчат! Выпирают! Потому что не вместить – некуда! И все это на почве недвижимости.

ИРИНА. Представляю, какого сверх напряжения сил и воли требует ваша профессия.

СЕМЕН. Нет, далеким от юридической практики людям представить это просто невозможно. Лежишь вот эдак темной бессонной ночью и думаешь, думаешь... а может зря, думаешь, я вчера упек вот этого, этого, того и десятки, сотни, тысячи им подобных? Может думаешь, следовало бы дать им шанс в виде некоего снисхождения? Но после долгих и мучительных размышлений беспристрастный ум юриста отвечает – нет, не зря! Они хотели поживиться на сделках с недвижимостью, поэтому нет им прощения. И только после этого удовлетворенно засыпаешь. *(Не давая сказать Виктору)*. Все, не будем больше о грустном и приступим к главному.

ИРИНА. Но если это так опасно, позвольте мне тогда разъяснить почему мы пришли без своего семейного юриста. Дело в том, что у моего мужа свой бизнес. Не здесь, естественно, а «там». И когда он приедет сюда не на долго и как всегда, усталый, то вынужден будет заниматься еще и оформлением этой сделки, а при его дотошности это займет почти все его время и он совершенно не успеет отдохнуть.

СЕМЕН. Но это же простите, варварство – так к себе относится, не имея никакого отдыха.

ИРИНА. Вот поэтому я и хочу это сделать сама, быстро, как мой личный подарок мужу.

СЕМЕН. Так это совершенно меняет дело! Если мы оформим эту квартиру в виде подарка усталому мужу

(Из-за занавесок, как бы вытолкнутый, появляется Дед). Видимо, выполняя приказ, он демонстративно чешется, оглядываясь, как бы для того, чтобы свериться: так ли он делает.)

ДЕД. Совсем съели, говорит. Закусали, сказала. Спроси, говорит, мазь такую. Чтобы не закусали.

СЕМЕН (*Ирине*). Старшее поколение, там обитают, но к данному делу отношения не имеют.

ДЕД. До смерти, дескать, закутали. Мазь, говорит, надо.

СЕМЕН. Дайте ему поскорей.

ИГОРЬ. А чего дать-то?

СЕМЕН. Ну, что он там спрашивает? Нам некогда.

ДЕД (*Виктору*). Хальные бандиты, да ребята ихние. На моих глазах крыло сняли, а без меня что будет? И кто я потом такой буду?

СЕМЕН. Здесь кто-нибудь понимает этот язык?

(*Из-за занавесок быстро выходит бабка*).

БАБКА. Надо же, не доглядела. Только задумалась маленько, как дальше жить будем, а он возьми, да и выскочи. Не стерпел, видно, совсем закутали. Да клопы, клопы совсем одолели, так и прыгают, так и прыгают.

СЕМЕН. Это блохи прыгают, а клопы... Слушайте, причем здесь клопы? (*Виктору*) Мы так не договаривались.

БАБКА. Еще и блохи? А я думала, одни клопы. Раньше-то, вообще, одни тараканы были, так те чего, побегают по тебе, пошуршат, да и успокоятся. А теперь надо же, еще и блохи, выходит.

СЕМЕН. Послушайте, Виктор Петрович! Мы что тут, из жизни насекомых собрались или как?

ВИКТОР. С чего вдруг у нас?... У нас никогда ничего этого не было.

БАБКА. Так я же их держу, из своей комнатки-то не выпускаю. Так его держишь, а он тебя же укусить норовит. Хотели, чтоб при гостях-то не появились, попрिдержать их, а они видят, что он глухой, безответный, ну и накинулись на него скопом.

СЕМЕН. Ирина Николаевна, я вам потом все объясню. А пока пусть Виктор Петрович объяснит, что это за ботаники и откуда они повыскакивали.

БАБКА. Все, все, уходим. Дальше их будем как-то сдерживать, чтоб хоть на вас-то... Уходим, уходим. (*Скрывается за занавеской*).

ИРИНА. У вас всегда так?

СЕМЕН. Что?

ИРИНА. У нас дома тихо, тихо, до скуки. А здесь... И что, все так живут, и соседи ваши?

СЕМЕН. Соседи, это вопрос особый, смотря, в каком ракурсе. Старшее поколение – сами знаете, всегда чем-то недовольны. А мы лучше возвратимся к сути.

Значит, вы хотите сделать мужу подарок?

ИРИНА. Да. Но это надо сделать быстро, до его приезда, в этом вся суть. Какие колоритные старички.

СЕМЕН. Прекрасно, просто прекрасно, так и запишем. Данная квартира передается как подарок... Так, имя, отчество?

ИРИНА. Чье?

СЕМЕН. Мужа, естественно, ведь мы на него будем оформлять подарок?

ВИКТОР. Извините, а почему подарок? Разговор шел об обмене.

СЕМЕН. Обмен, но юридически это будет выглядеть как ваш личный подарок мужу. Прекрасный, я бы сказал, подарок. Так, опись имущества делать будем?

ВИКТОР. Причем здесь опись?

СЕМЕН. Да, я тоже так думаю – все это имущество ни к чему (*пишет*). Оформим чистую квартиру как дарственную, как ваш личный подарок мужу.

ВИКТОР. Подождите, причем здесь подарок? Разговор шел только об обмене?

ИРИНА. Я уже объяснила, что в юридических вопросах не разбираюсь. И так как нет нашего юриста, я теперь полностью полагаюсь на вашего, я вижу его высокий профессионализм и надеюсь...

СЕМЕН (*перебивает*). И точно видите и правильно надеетесь. Что же касается Виктора Петровича, то для начала он напустил на нас этих... личностей, а теперь и сам не доволен?

ВИКТОР. Но мы говорили об обмене?

СЕМЕН (*пытаясь делать какие-то знаки и мимикой и многозначительно выделяя слово «подарок»*). Виктор Петрович, вы что не видите, не понимаете, что дама хочет сделать мужу подарок, понимаете, подарок!

ВИКТОР. Я не против подарков, но почему это должна быть моя квартира?

СЕМЕН. А может быть, нам все это обсудить в более спокойной, так сказать... Может быть, обсудим это за чашкой чая?

ИРИНА. А вы знаете, не откажемся. Дело в том, что мы ехали сюда, представляете – на такси! А потом шли по улице, одни, представляете, безо всякой охр... То есть, совершенно одни. И это оказывается так интересно – идти! По улице! (*Свете.*) Когда папа вернется, у нас будет столько впечатлений!

СЕМЕН. Но это же прекрасно – впечатления за чашкой чая! Кстати, скажу вам откровенно, хотя мы, юристы, и не имеем права огорчаться или радоваться, здесь я рад, искренне рад тому, что у нас еще сохранились женщины, не забывающие делать своим усталым мужьям такие прекрасные подарки, как эта прекрасная квартира. Игорек,

надеемся, ты не позволишь нашим гостям скучать, пока мы с Виктором Петровичем приготовим чай.

(Виктор и Семен выходят. К гостям робко, т.к. Света произвела на него очень большое впечатление, приближается Игорь. Но его опережает Бабка).

БАБКА. Дустом его обсыпала пока, может, хоть немного забудется. А вам-то видно страшно тут сидеть? *(кивая на трубу.)* Сами, как только глянем на это, ночью особенно, так и ужасаемся. Но хозяин не виноватый, он нам еще с утра приказал как-нибудь закрыть это, спрятать, а мы не выполнили. Вот и сын подтвердит.

ИГОРЬ. Но это он нам, нам говорил.

БАБКА. Так, конечно, нам, кому же еще-то? *(Гостям.)* А думал все про вас, все сокрушался. Им, дескать, тут еще такого наглядеться придется, такого хлебнуть, такого натерпеться, что пусть хоть с первых-то минут не видят этого. Это, говорит, квартира и так из всех – самая что ни на есть худшая.

ИГОРЬ. Он не говорил, «что ни на есть», а просто сказал «не из лучших».

БАБКА. Не так, что ли? То—то я сама тогда не поверила. Ну, не может же, думаю, так быть, что уж из всех-то самая что ни на есть худшая. Ну, должна же, думаю, где-нибудь быть и еще хуже этой, у негров в Африке, или еще где. Но спорить не стала. Он хозяин, думаю, и раз говорит, что самая, что ни на есть худшая, значит, ему видней.

ИГОРЬ. Он про негров вообще не говорил.

БАБКА. Так и любой бы про них не вспомнил, к чему они нам, если так-то разобраться, опять же как только вокруг глянешь, так они пошто сами на ум приходят. А хозяин-то наш – шибко уж совестливый. Если, говорит, и удастся нам все это всучить им, по их неопытности, то мне, дескать, потом до конца жизни за это стыдно будет. И горько заплакал. Вот он, какой справедливый у нас, хозяин-то.

ИГОРЬ. Не говорил он «до конца жизни», а просто, «стыдно». И это он нам, нам говорил.

ГОЛОС СЕМЕНА. Игорь, можно тебя на минутку? *(Заглядывает.)* Извините! А вы поговорите пока с нашей бабулей, мы мигом.

(Игорь, часто оглядываясь, уходит на кухню.)

БАБКА *(Ирине тихо, вслед Игорю.)* видно, чего-то втроем замышлять будут. И главное, все им с рук сходит: народ в ужасе, а они снова сухими из воды выходят. А вы все равно не бойтесь.

ИРИНА. Нет, нам очень интересно, все так необычно. Когда папаА вернется, у нас будет столько впечатлений! *(Указывает на «хомуты»):* И эта забавная коллекция. И эти стены, эти потолки, как в старых фильмах. Как в добрых, наивных старых

фильмах.

БАБКА. Ну, а соседи тогда и вовсе, как из картины будут.

ИРИНА. Да? Они артисты? И что они делают, поют?

БАБКА. Зачем им петь, они все молчком любят. Утром зайдут, часов в пять или в четыре, примерно, дашь им на литр, и до самого обеда ни звука, ни шороха, хоть книжку читай. Потом с обеда зайдут, за тем же литром. Ну, а вечером уже на полтора даешь, чтоб до утра-то хватило. И никакой тебе ни матерщины, ни ругани, даже пол не затопчут. Только вот не любят, пошто-то, когда дверь на ночь закрывают. Мы раз забыли, да закрыли, дак так обиделись, что неделю потом пришлось вдвойне давать.

ИРИНА. Как интересно. А сколько этот литр стоит, в этих, ну... рублях?

БАБКА. Не меньше двести. Это самое малое.

ИРИНА. Выходит, меньше 10 долларов в день и у вас прекрасные отношения с соседями? Как у вас здесь все дешево!

Картина девятая

Семен и Виктор на кухне стараются говорить тихо и быстро.

ВИКТОР. Я что тебя об этом просил? Чтобы ты у меня же на глазах мою же квартиру оформил в подарок какому-то...

СЕМЕН. Это я тебя должен ,спросить какого черта ты лезешь туда, где ничего не понимаешь.

ВИКТОР. Что тут понимать? Тебе ясно было сказано – обмен! А ты что пишешь?

СЕМЕН: А ты? Слышишь и не понимаешь, рядом стоишь и ничего не видишь. Что ты разбираешься в женской психологии?

ВИКТОР. Мне не психология, мне чистый обмен нужен.

СЕМЕН. Кто станет менять комнату «Папы Карлы» на особняк, кто? А здесь женщина подарок хочет сделать, понимаешь, подарок?

ВИКТОР. Это ты подарок делаешь из моей квартиры.

СЕМЕН. Женщина хочет сделать подарок своему усталому суслику. А по ихней психологии не важно – что дарить, что обменивать. Хоть особняк на комнату в бараке. Главное, чтобы это был ее подарок. Это ей самое приятное, что ее личный подарок. И я это использую и постоянно давлю на это приятное для нее место, а ты лезешь как дуболом и разрушаешь все мои конструкции.

ВИКТОР. Посмотрел бы я на тебя, если бы твою квартиру у тебя на глазах

оформляли как подарок какому-то...

СЕМЕН. При чем здесь оформлять? Оформлять будут в юстиции, а сейчас идет тонкая психологическая игра. Но все надо сделать обязательно до его приезда, все закрепить и оформить.

ВИКТОР. А потом? Потом что, по судам с ним бегать?

СЕМЕН. В том-то и дело, что если мы оформим это в юстиции, потом это ни один суд не докажет и не отменит: извините мы ее не насильовали, она сама подписала. К тебе золотая, райская птичка залетела, а ты за ней с толстой шваброй гоняешься. Документы все готовы?

ВИКТОР. Но она не та, за кого себя выдает, она точно что-то играет.

СЕМЕН. А за кого я себя выдаю? А кто не играет? Ты один. Поэтому и кидаешься с кулаками на покупателей. «Доцент...» Это ж умудриться надо – жизнь прожить и ничему не научиться. А если бы я не зашел сегодня? Документы готовы?

ВИКТОР. Я что должен подписывать их не глядя?

СЕМЕН. А ты что по ней не видишь? Первый раз она пешком прошлась, уж наверно не в комнатухе живут с закопченными стенами.

ВИКТОР. Но я должен посмотреть своими глазами?

СЕМЕН. Посмотришь. И что там от твоих взглядов убавиться или прибавиться, в документах же все указано и площадь и строение и сотки с гектарами. А нам каждый час надо использовать, пока ее сокол еще в полете. У тебя к чаю что-то имеется?

ВИКТОР. Сахар, карамельки вот бабкины.

СЕМЕН. Хочешь, чтобы они твои карамельки за издевку приняли? (*Выглядывает в комнату*). Игорь, можно тебя на минутку. А вы поговорите пока с нашей бабулей, мы мигом. (*Виктору*). Там опять твоя теща вылезла. Ты мне объясни, чего она хочет, и что нам еще подкинет, кроме клопов?

ВИКТОР. Сам ничего не могу понять.

СЕМЕН. Может она хочет квартиру твою к рукам прибрать?

ВИКТОР. Она? Да ты что, наоборот, я у них забрал. Они здесь даже не прописаны. Думали же временно.

СЕМЕН. Сам знаю, что не может. Но как только передо мной возникает «кроткий лик» этой вездесущей старушки, я прихожу в недоумение, то есть, говоря попростому становлюсь недоумком! А это для творческой личности черевато!

Входит Игорь.

И что там? Что они?

ИГОРЬ. Бабка опять вылезла.

СЕМЕН. И что?

ИГОРЬ. И все выдает.

СЕМЕН. Что выдает?

ИГОРЬ (*Виктору*). Все, что ты нам говорил.

СЕМЕН. А что ты им говорил?

ВИКТОР. А что я? Ну, квартиру прибрать, подготовиться, она – то что говорит?

ИГОРЬ (*Виктору*). Тебя все расхваливает.

СЕМЕН. В смысле?

ИГОРЬ. Что эта квартира хуже, чем в Африке и что если мы ее всучим, обманем их, то ты до конца жизни от стыда плакать будешь. И что ты уже горько плакал.

ВИКТОР. Когда это я плакал? Да еще горько?

ИГОРЬ. И все так ехидно, что они даже не знают что делать.

СЕМЕН (*Игорю*). А ну-ка быстро в магазин, возьмешь чего-нибудь к чаю и туда принесешь. Деньги у папЫ. А мы быстро туда, пока их не пере вербовали.

Картина десятая

Комната. Бабка продолжает рассказ о соседях.

БАБКА. С боков-то все тихие, сами не нарадуемся. А вот на потолке, который, с тем вопрос нерешенный. Заехал недавно, весь синий, нарисованный, и первое что сказал: не люблю, дескать, когда кто-то подо мной копошится. А как тут, копошиться, не будешь, когда то одно, то другое требуется для прожиточного минимума. А он тогда: я вас, дескать, топить не буду, я вас другим способом. А каким, не говорит. Вот и сидим, ждем ко всему готовые. (*Увидев входящих мужчин, быстро исчезает за занавесками.*)

СЕМЕН. Надеемся вам не дали скучать?

Ирина оскорблено молчит.

Она что тут, высказалась?

ИРИНА. Почему вы не сообщили, что у вас здесь проблемы?

СЕМЕН. А какие проблемы? У нас, здесь никаких проблем, ноу проблем.

ИРИНА. А соседи?

СЕМЕН. А что соседи? Да у нас здесь такие соседи, что все даже удивляются.

Да мы даже дверей не закрываем, сами же видели. Зачем, если вокруг такие люди? Столько трезвых личностей в одном подъезде, это – даже наука объяснить не может.

ИРИНА. А наверху? Нам сказали, что вы вели шумный образ жизни, постоянно ему мешали и тогда он расстроился и нанял киллеров.

СЕМЕН. Кто? Этот?

ВИКТОР. Миронов?

ИРИНА. Фамилию она не называла, но объяснила, что проблемы большие.

ВИКТОР. Извините, но это ошибка, там такой старичок, мы у него все берем, старое, и он никак не может....

СЕМЕН. Ну-ка, где это информаторша! *(Идет к бабкиной комнатке и заглядывает за занавески.)* Они устали! Спят! Вместе со всеми своими насекомыми. Но это же бред: интеллигентный старичок с тросточкой...

ВИКТОР. Мы у него даже сегодня еще торшер брали.

СВЕТА. Мы можем не успеть посмотреть другие квартиры. Мы ведь планировали осмотреть несколько?

ИРИНА. Да, время. *(Входит Игорь с конфетами, печеньем и бутылкой какого-то напитка).*

СЕМЕН. Подождите, какие другие, а как же чай? Ведь мы же так и не успели оформить эту, как подарок, подарок, и зачем какие другие? Вы посмотрите, как вам здесь будет уютно.

ИРИНА. Боюсь, что вы нас не совсем правильно поняли. Мы и эта квартира! Хм, оригинально! Я, конечно же не хочу никого обидеть, но... Тем более после того, что мы здесь слышали. Позволю вам заметить, что мы сами живем в основном «там», бывая здесь только наездами. А сейчас уезжаем «туда», надеюсь, окончательно. В доме же остается родственница мужа, то ли двоюродная, то ли троюродная его тетя. Но так как дом для нее велик, мы решили обменять его на квартиру. И хотя старушка совершенно неприхотлива, нам все-таки хотелось бы лучшее.

СЕМЕН. Но что может быть лучше вот этого?

ИРИНА. Да? Вы так считаете?

СЕМЕН. Я знаю, я просто как юрист знаю перспективы этого дома, т.е. этого района.

ИРИНА. Вот как раз район нас устраивает.

СЕМЕН. А если бы вы знали, если бы только представляли, что этот район ожидает в будущем. Конфеты, пожалуйста. Да уже сейчас люди десятками, сотнями, тысячами едут посмотреть на этот район из других районов. Конфеты, пожалуйста! И

вот, чай, чай, пожалуйста.

ИРИНА. Я думаю, дальнейший разговор может вестись только из-за того, что нас устраивает этот район. И то, на определенных условиях. И продолжаться он может совсем недолго. (*Садятся к столу*).

СЕМЕН. Конечно же, естественно, зачем нам его затягивать. Мы прямо сейчас после чашки чая поедem оформлять все это как ваш личный подарок любимому мужу. Конфеты, пожалуйста.

(*Толкая впереди себя ничего не понимающего деда, из-за занавесок появляется бабка.*)

БАБКА. Конфеты купили, а деду-то, деду-то тоже маленько надо. (*Усаживает деда у стола.*) Вот, целыми днями лежишь, так хоть тут посиди, послушай. (*Гостям.*) И ничего-то он теперь не слушает, совсем перестал, слышат (*Ирине*). А все этот луч, из подвала из самого.

ВИКТОР. Какой еще луч?

БАБКА. Скрывала я от вас. Долго скрывала, не хотела огорчать, расстраивать. И когда соседки-бабки в голос мне про это говорили: все равно долго не принимала, не верила. Пока сама не увидела, да не ужаснулась.

СЕМЕН. Где и что ты там еще увидела?

БАБКА (*Ирине*). А луч, как есть луч, прямо из подпола и прямо под кровать дедову. Прямым лучом и прямо под кровать! Вот она оказывается, как выходит, радиация-то! А я-то, дура, столько не верила.

ВИКТОР. Какая еще радиация?

БАБКА. А самая, говорят, страшная. Вот он и начал глохнуть не по дням, а по часам. Да и у самой у меня, хоть и на другой кровати, в боку вроде как просверлено. Видно лучом этим. Он, наверно, по всей квартире ходит ночью-то. Да луч-то этот.

ИГОРЬ. Да гонит она все, с самого утра гонит. Она просто переезжать не хочет, дров, говорит, там много надо и кладбище далеко. А дед таким глухим и приехал сюда.

СЕМЕН. Да я на сто двадцать процентов уверен, что всю эту клевету, она специально собирала по всем грязным подъездам этого паршивого дома!

БАБКА. Мне не верите, ладно, но дед-то вот он рядом сидит, как прямое доказательство. И оглох совсем и уже с голосом что-то делается. (*Кричит деду в ухо.*) Ну-ка скажи, скажи им про бочку-то, скажи.

ДЕД (*Виктору, от долгого молчания хриплым и от этого зловецим голосом*). Там еще бочка закопанная. Если они только чего-нибудь с огнем начнут, то потом костей не соберешь – всё на воздух взлетит!

(Бабка даже не считает нужным это комментировать, долгая пауза.)

ВИКТОР. *(Семену).* Ну и что, колобок запойный, психолог женский, многоцелевой и разноплановый - это твоя работа филигранная?

СЕМЕН. Но, если мне нож в спину? Если твоя же собственная теща, в меня сзади вилы всадила, сверху клопами обсыпала, а спереди напустила радиации? Как я должен работать в таких условиях? Ты меня предупредил? Ты мне прочитал их характеристики? *(Комнату снова наполняет колокольный звон. Все стихли.)*

ИРИНА *(Быстро встав, слушает уже демонстративно).* Что это? Что это, откуда?

ИГОРЬ. Церковь здесь рядом, они всегда звонят.

ИРИНА. Нет, этого не может быть, это просто чудо!

СЕМЕН. Вы любите это? Вам нравится?

ИРИНА. Нет, это действительно чудо! Ведь только вчера тетя, со слезами на глазах просила нас поискать квартиру где-нибудь рядом с храмом. Хоть какую, пусть даже полу благоустроенную, любой планировки, но только рядом с храмом. Ведь она у нас такая верующая! И вот не просто рядом, а вся комната наполняется этими чудными звуками.

СЕМЕН. Причем заметьте, заметьте, Ирина Николаевна, эти звуки еще и полезны и даже целебны, я сам слышал, сам читал.

ИРИНА. Когда мы расскажем об этом тете, она просто заплачет от счастья.

БАБКА. Чего ваш звон сделает против такой страшной радиации?

СЕМЕН. Да он даже чуму останавливал, я сам читал, а уж против твоей самодельной радиации это просто тьфу!

ИРИНА. Вам надо просто знать моего мужа и его возможности. Ради своей тети, он пришлет столько людей, что они закопают любую радиацию в самую глубь земли. За канализацией этого дома будет следить, особая бригада самых трезвых сантехников и поэтому все жильцы дома будут носить тетю на руках. Нет, дочь моя, мы уже не пойдем смотреть в другие дома, потому что лучше этого чудного звона нам уже ничего не найти. *(Семену.)* Надеюсь, оформление документов много времени не займет?

СЕМЕН. Завтра же, с утра. Да зачем завтра, сегодня же, к концу дня можно будет втиснуться.

ИРИНА. Так как мне нужно быстрее, мои документы со мной и в полном порядке.

СЕМЕН. И у нас. *(Виктору).* У нас тоже в полном?

ВИКТОР. Да, я даже взял сегодня справку, которая на три дня.

СЕМЕН. Так мы можем ехать прямо сейчас?

БАБКА. А ведь неспроста это, когда вот так шибко торопятся.

ИРИНА. Что? Ну, знаете ли...

СЕМЕН. Виктор Петрович, может вы нас избавите, наконец?

ВИКТОР. Послушайте, мать, мы вас очень и очень просим не лезть, не вмешиваться...

БАБКА. Ладно, сами потом помянете. *(Деду.)* Пойдем, так и не успели с конфетками. *(Уводит деда.)*

СЕМЕН. *(Ирине.)* Ирина Николаевна, вы же сами видели и слышали. И про радиацию и наедине она вам видимо успела в подобном роде. Ищем хорошего врача.

ИРИНА. Извините, но мы просто не привыкли к такому. Хотя езжайте, смотрите! К тому же у нас там действительно какая-то загвоздка с отоплением, нужно будет вызвать сантехника.

СВЕТА. И окно одно так и не закрепили.

ИРИНА. Да, точно. Тете хватало одной комнаты.

СЕМЕН. Ирина Николаевна, вопрос сейчас совершенно не в этом, как юрист говорю, сейчас для нас главное юстиция *(Игорь, оттого что Света, которая потрясла его дремавшие чувства, сейчас уйдет навсегда в отчаянии. Чтобы хоть как-то обратить на себя внимание, он совершенно по-мальчишески начинает «выступать»)*.

ИГОРЬ. Как только передем, сразу в лес. Создадим там бригаду «Лесные оборотни» и всех кто окажется в лесу будем брать в заложники с последующим выкупом. *(Свету начинает мелко трясти)*. А когда добудем побольше стволов, разберемся со всей нашей школой. Но сначала в лесу создать... *(У Светы начинается нервный припадок)*.

ИРИНА *(Игорю)* Замолчи, про лес замолчи. Воды, дайте воды. *(Среди всеобщего оцепенения, бабушка быстро появляется из комнатки и приносит воды)*.

БАБКА. Платочек наверно мокрый, приложить надо.

ИРИНА Да сделайте, растирать. *(Ирина с бабушкой выводят Свету из обморока. Игорь испугавшись, надолго затихает в своем углу)*.

ИРИНА. Ну вот, глазки открылись, теперь воды глотни, ну, доча, доча, выпей воды.

СВЕТА. Мама, пойдем быстрее, мама побежим, я боюсь, мамочка!

ИРИНА. Не бойся, моя девочка, я с тобой, мы в доме, нас никто не обидит.

СВЕТА. Нет, мама, нас заберут, нам будет плохо, мамочка, нам будет очень плохо, мамочка, давай убежим.

ИРИНА. Я с тобой, никто нас не обидит, я с тобой, ну усни, усни, закрой глазки, отдохни, мы в доме, нас никто не обидит, я с тобой. Вот так, поспи, отдохни.

(После всеобщего молчания.)

Да пошло оно... Чтоб все это потом на ребенка перешло, чтобы ей расплачиваться? Нет уж! Уж лучше...

(Всем, после всеобщего молчания). Ну и что смотрим? Одинокую мать с больным ребенком не видели? *(Все молчат.)* Можно мы у вас еще немного побудем? Ей сразу нельзя, после этого отдохнуть надо.

БАБКА. Куда ж она такая, конечно. *(Всем.)* И смотреть нечего, пусть девчонка отдохнет, да отойдет маленько.

СЕМЕН. А нам как теперь?

ИРИНА. Как раньше было.

(Виктор, все еще стоявший с документами в руках, резко поворачивается и выходит).

СЕМЕН. Я что-то не совсем... А как же с документами, оформлением? Что вообще с этим домом?

ИРИНА. Этот дом только для богатых и счастливых.

СЕМЕН. А мы что, такие бедные и несчастные?

БАБКА. Вы ее еще благодарить должны, что нас стариков пожалела. А то б побежали сейчас, печатей понаставили и поминай как звали.

СЕМЕН. Подождите, так это что – блеф? Есть он вообще этот дом в природе?

ИРИНА. Есть, недостроенный.

СЕМЕН. А как же документы?

ИРИНА. При желании теперь все можно. Делает их частная контора, с моих слов и нарисовали, чтобы не выезжать в такую даль.

СЕМЕН. А как вы сами там жили, тетя, усталый муж?

ИРИНА. Муж так устал, что уехал навсегда. Тетя... Наверно за ним уехала, нет ее. А мы ничего, даже зиму пережили. Какая же я все -таки дура.

БАБКА. Мы-то хоть где переживем, а вот мужики-то сразу бы там и загнулись.

СЕМЕН. Подождите, если все документы есть, то почему тогда вы?... Мы же сразу могли оформить и...

ИРИНА. Потому что я дура. *(Тихо Свете)* Прости меня, моя девочка. Допрос окончен?

(Семен видимо что-то хочет еще сказать, но только молча всех оглядывает и уходит.)

БАБКА (*Ирине, кивая вслед Семену*). Задумался. Это такой конкретный человек, что и я его иной раз побаиваюсь, хотя мужик неплохой, легкий мужик, отходчивый.

Картина одиннадцатая

Кухня. Виктор с застывшим невидящим взглядом сидит за столом. Тихо входит Семен и присаживается на краешек стула. Из комнаты чуть слышна музыка.

ВИКТОР. Двор наш, когда последний раз во сне видел?

СЕМЕН. Как только «отхожу» постоянно.

ВИКТОР. Недавно заезжал туда – ничего не осталось. Вот и докажи теперь, что мы там жили, что мы когда-то тоже были ребяташками.

СЕМЕН. И что?

ВИКТОР. Мираж! И позади мираж и впереди. Сейчас вод Белый дом на берегу Синей реки помаячил. И растворился.

СЕМЕН. Думал ты меня после этого...

ВИКТОР. Нет, Сень.... Просто все намного страшнее, чем нам кажется.
(молчат)

СЕМЕН. Но все равно жить-то надо как-то.

ВИКТОР. А зачем?

СЕМЕН. Как это?

Виктор. Зачем вообще жить, цель-то какая?

Объясни мне, как ты любишь, конкретно в двух словах. Зачем жить?

(Семен молчит)

ВИКТОР. Вот видишь, о самом что ни на есть главном мы и двух слов сказать не можем.

СЕМЕН. Ну зачем... Мало ли... Зачем все живут?

ВИКТОР. Ты возьми и по-расспрашивай этих «всех» интересная картина получится. Нет, Сень, все намного страшнее, чем нам кажется. Мы думаем, что если нам что-то не нравится, чего не хотим, боимся, того и быть не может? Ан, нет..! Ты вот в газетке фотографии увидел и от страха сюда прибежал, а я «туда» заглянул реально, через ее глаза. И реальность эта такая, что от нее... Рядом с которой все наши хотелки, вопилки и кричалки... Молчат.

СЕМЕН. Ты конечно умнее меня, Витя, да и образование у меня хотя и высшее, но весьма среднее, но что-то здесь не так. Ты вот через голову, а я нутром чую.... Вот смотри, женщина эта не захотела, не смогла нас кинуть, и все изменилось, все пошло по-другому и даже мы стали другими, не заметил? Серьезно, я по себе чувствую.

Значит, есть какая-то другая реальность, в которой от того, что мы говорим и что делаем - все меняется. Вот Игорь твой говорил, что жить надо «не потому что», в смысле все так живут, а «для того чтобы». (*Молчат*)

Про домик этот белый говорили, а у меня перед глазами картинка эта из «Джека Лондона»: белые сопки, белая река, а на берегу белый домик. «Белое безмолвие» рассказ назывался (*молчат*).

Да...Если бы я квартиру твою... Даже подумать страшно. Пойду, посмотрю, что они там.

Картина двенадцатая

Комната, та же мизансцена.

БАБАКА. А я гляжу на тебя: ну и самостоятельная женщина думаю. Уж на что я, старая продавщица, и то ничего не могла сделать.

ИРИНА. Станешь самостоятельной, когда прижмет (*молчат*)

БАБКА. Так вот и нас тоже прижало. Так прижало, что...Как только дочки только моей не стало, жены Виктора, парнишкиной матери, так все словно куда-то провалилось. Вроде бы ходим, разговариваем, а жизни никакой не осталось, все туда рухнуло (*молчат*)

ИРИНА. А у меня наоборот сейчас, самую бльшую в жизни глупость совершила, а на душе легко, как это?

СВЕТА. (Неожиданно приподнимается и целует мать.) Я люблю тебя, мамочка!

ИРИНА. Прости меня, моя девочка, прости. На зиму мы там не останемся, все равно найдем кого-нибудь.

СВЕТА. И обманем?

ИРИНА. Убедим. Только мы других найдем, эти видишь - сами хуже нашего.

БАБКА. Дом-то свой занять теперь многие желают. Даже Колобок, вон, как подвыпьет, все куда-то «на просторы» рвется. Все куда-то хотят, и у каждого своя правда.

ИГОРЬ. «Возьмите назад своих десять медных правд, и отдайте мне чистое золото истины».

БАБКА. Чего, чего? Чего сказал-то?

ИГОРЬ. Это не я сказал.

БАБКА. (*Ирине*) Он всегда так: вычитает где-то, а потом вставит.

СВЕТА. (*Игорю*). Ты наверно много читал?

ИГОРЬ. Приходилось.

ИРИНА (*Свете*) Иди, расспроси у Игоря, что он там еще читал. Голова не кружится?

СВЕТА. Нет.

ИРИНА. Вот и хорошо. Еще немного отдохнешь и пойдем. Иди, видишь какой он начитанный.

(*Света подходит к Игорю*)

СВЕТА. Не бойся, ты же нормальный, не будешь меня больше пугать, значит, со мной ничего не будет. Я тоже зимой много читала.

(*Присаживается рядом, и начинают говорить о чем-то своем*)

ИРИНА (*Бабке*). А в вашем доме никто не собирается за город переезжать? Нет, так чтобы достроить могли?

БАБКА. По-узнавать надо, поспрашивать.

(*Входит Семен и пристально всех осматривает*).

СЕМЕН. Н-да.... Какие мы все... Несамодовольные. Про воду не смотрели передачу? Какие у нее от природы молекулы – как снежинки, залюбуешься. И как они потом выглядят, когда пройдут (*кивает на трубу «стояк»*) вот по этим железякам нерентабельным. Смотреть страшно. (*Стучит себя по груди*). Как у меня вот тут!

БАБКА. Чего ты опять тоску нагоняешь, совесть, что ль замучила? Ну так взял бы, да хотя бы эту трубу наладил. Ты же у нас на все руки: и спеть и сплясать и от бабы убежать. И даже чужую квартиру при случае спустить можешь. (*Ирине*) Он как президент наш нынешний, Борис Николаевич, неделю трудится, а потом месяц « с документами работает».

СЕМЕН. Я многое могу. Только вот пока мало понимаю (*молчат*)

БАБКА. (*Ирине*) Это у нас в деревне был мужик, сзади лысый совсем до копеечки, а теперь брюшко выпирает. Ну, чистый убивец с виду. Ну и вот, как на пенсию вышел, так взял и изобрел кота электрического. В розетку включит, а он и начинает кулаками сучить, или уж там лапами ли, да матерится всяко-разно, ну да вроде на мышей-то. Ну и вот, повесил его в подполье, включил. Мыши, конечно в ужасе, сидят по своим норкам и аж трясутся. А чего ж тут не затрясешься: такая матерщина по всему подполью и прямо в их адрес. А потом сообразили видно, что кроме матерщины, сделать то он им ничего не может, на гвозде подвешенный, да и давай над ним же хохотать.

СЕМЕН. (*Бабке*) Сама видела?

БАБКА. Чего? Кого?

СЕМЕН. Как мыши хохотали?

БАБКА. Зачем я-то туда полезу? Девчонка ихняя подглядела в щелочку.

СЕМЕН. Откуда ты все это выкапываешь, сама, что ли сочиняешь?

БАБКА. Зачем мне сочинять? Сколько я в деревне-то прожила, вот и накопила впечатлений.

СЕМЕН. «Впечатлений». Тогда нам на пару надо: за мной тосты, репризы, куплеты, а ты будешь делиться своими «впечатлениями».

БАБКА. Ага, так я и пошла за тобой людей спаивать.

СЕМЕН. Эти люди сами кого хочешь, спить могут. Мышей каких-то приплела.

БАБКА. Не мышей, а кота. И не приплела, а на тебя поглядела, да вспомнила: говорить заливаешься, а мышей не ловишь.

СЕМЕН. Пробовал сегодня... Что-то мы не о том все, не о том. (*Ни к кому не обращаясь*) « Взрыв нового веселья в зале, а мне манатки собирать..» Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра он все равно меня догонит.

БАБКА. А ты не бегай, а сядь, да и успокойся (*пауза*)

Раньше, дескать, сядешь – раньше выйдешь. Это ж надо такое придумать! Ой, народ! Это как нас таких еще начальство то терпит?

СЕМЕН. Сам удивляюсь, как юрист бывший. (*Ирине*) Может все-таки пора познакомиться?

ИРИНА. Ирина. Николаевна. Педагог. Бывший. Моя дочь - Светлана.

СЕМЕН. Семен. Васильевич. Режиссер. Бывший. Спектаклей было много, говорили о них долго и упорно, пока, наконец, совсем не выперли из театра. Теперь вот шутки шучу перед умными и богатыми.

ИРИНА. Простите нас пожалуйста, А я ведь сразу поняла, что мы встретим здесь хороших и открытых людей.

СЕМЕН. Да, только вот кто заставляет нас таких хороших людей страшными масками и размалеванными пугать друг друга.

ИРИНА. Обстоятельства. Заставляют.

СЕМЕН. Да, обстоятельства (*кричит на кухню*) Витя! Виктор Петрович! Дело тут у нас большое, рассудить надо!

(*входит Виктор.*)

Знакомься Витя, это Ирина. Она нас кинуть хотела, но передумала.

ИРИНА. Простите нас, пожалуйста.

ВИКТОР. Вы здесь не причем.

СЕМЕН. Это точно (*молчат*) Но если мы все здесь оказались, что-то должно произойти.

ИГОРЬ. Да, дядя Сень, я тоже это чувствую.

ДЕД. (*неожиданно бабушке*) Про машину чтоль, мою интересуются? Скажи им, может, войдут в положение

БАБКА. Тише, они сами тут все в положении.

СЕМЕН. Значит, обстоятельства... Заставляют... Вроде бы... Только вот, (*Игорю*) Игорюшка Как ты сказал, жить надо не «потому что», а «для того чтобы».

ИГОРЬ. Это не я сказал.

СЕМЕН. Так мы делаем это «потому что» умные и хваткие лавочники обзвали нас «лохами», за то что кусок из чужого горла вырвать не можем. И мы застыдились и стали доказывать, что тоже можем. И я запил «потому что» ни работы не семьи, «потому что» все кругом пьют, и куда не кинь, вокруг везде все эти обстоятельства.

ИРИНА. А вы не пробовали так порассуждать в промерзшей комнатухе на краю света?

СЕМЕН. Может и попробую когда, еще не вечер. Так вот, все эти «потому что», все эти «обстоятельства» - все это как объяснения и оправдания того, почему я не хороший, добрый, умный, а вот такой, како я есть. А есть ли «для того чтобы» в смысле жить? Тогда в это многих вписать можно, да и дел много и все с припиской «несмотря на обстоятельства». Ирина Николаевна, только вы не подумайте, что это как-то вас касается, это все про себя, только про себя, каждый прежде всего с собой разобраться должен. (*молчат*)

ВИКТОР. Картошку в детстве еще копали за городом. Сыро, холодно, тучи и вдруг, луч солнечный пробился и высветил круг на склоне горы. И так там казалось тепло, светло, радостно, на этом склоне. Что если б успеть в этот круг вбежать, думалось, что вся жизнь стала бы такой же теплой, светлой и радостной. И вот пока бежишь к этому кругу, он уже в другом месте высвечивается или вообще исчезает.

СЕМЕН. Ну и что? Главное видеть его и бежать, пока не догонишь.

ВИКТОР. Красиво, но так всю жизнь можно пробегать за «солнечным зайчиком».

СЕМЕН. Бывает и похуже. Бывают такие места, куда никакой луч вообще никогда не заглядывает. Игорек, включи музыку, с ней все-таки потеплее как-то. (*Игорь*

включает ту же грустную мелодию, все какое-то время слушают.)

ВИКТОР. Бал проигравших.

ИРИНА. Да, как эти листья сорвало и теперь заметет, завалит холодным снегом...

СЕМЕН. А кому проигравшим, Витя, «этим» моим клиентам? Это издалека всё разноцветно и завлекательно, а вблизи... Я мног там насмотрелся и наслушался.

ВИКТОР. И что, выиграл?

СЕМЕН. Выиграть там – это проиграть здесь.

ВИКТОР. А по яснее можно?

СЕМЕН. Мне трудно это объяснить. У них там на все цена и девиз: «А почему нельзя, если это выгодно?».

БАБКА. Ну, а как же, на все и должна быть своя цена, на картошку одна, на колбасу совсем другая.

СЕМЕН. А чего ж ты компаньона своего не выставишь, как неизлечимую жертву технического прогресса? Какая тебе с него выгода?

БАБКА. А куда ж ему тогда идти то такому?

СЕМЕН. А тебе какое дело? Кто он тебе сват? Брат?

БАБКА. Ну так... Кто бы он ни был, а человек же? Куда ж он такой пойдет? Да и чего ты к нему прицепился то?

СЕМЕН. Ты сама сказала, на все должна быть своя цена, своя выгода, а вот он тебе в убыток, а ты его держишь.

БАБКА. Ты чего меня путаешь! Я про колбасу с картошкой говорила, а ты куда завернул!

СЕМЕН. Так что ничего бы ты там не выиграла «продавщица старинная». Что бы там выиграть, Витя, тебе надо было сохранить свою хорошую квартиру, тебе ведь говорили, что все бесполезно, болезнь неизлечима. А ты распорядился всем, что имел с нулевым результатом. Старичков надо было сразу к «престарелым» определить. А если бы в этом доме действительно была радиация или еще, какая пакость не выводимая, а мы бы сумели всучить это ничего не подозревающим лохам, а потом весело отпраздновать это как большую удачу - вот это бы был выигрыш. Как, сможешь так? (Виктор молчит)

Вот об этом я и говорил, они «там» не могут делать в ущерб себе – прогоришь. Они не могут даже никого пожалеть – тогда самого сожрут. А мы можем, даже обязаны действовать в ущерб себе, иначе перестанем быть живыми. Я увидел фотографию своего будущего и от страха прибежал к вам «живым» и увидел, как женщина, мать,

даже ради выживания не смогла совершить подлость, переступить через себя и во мне что-то стало оттаивать. Я отошел, согрелся и почувствовал, что еще живой. Поэтому я не хочу возвращаться «туда», где «он» все равно меня догонит и заставит допить то, что еще осталось в его фужере. А что, как мне сделать, чтобы не возвращаться туда? Ведь если я оказался здесь, что-то должно произойти, но что? (*вдруг резко поворачивается, пристально смотрит на Ирину и идет к ней*) Как же я... Как же я раньше то... Ира, Ирина Николаевна, переходите в мою квартиру, там жить можно, еще от родителей досталась, а мне... Мне как раз сейчас и нужно это «Белое безмолвие». Столько крика, визга, воя в моей жизни было, что вылечить меня сейчас может только это «Белое безмолвие»

ИГОРЬ. А мы? мы как, дядя Сень? Ведь это для всех должно.

СЕМЕН. А вы... Витя, вы с Игорьком приезжать будете, вместе и достроим. И не будь я «колобком», если не прокачусь по тем местам и мне найду «живых», которые нам помогут. И мы сами своими руками построим этот дом, на берегу реки. Как, Витя?

ВИКТОР. (*После молчания*) Будем жить. (*комнату снова наполняет колокольный звон, все слушают*)

БАБКА. Надо же, опять!

Семен. Нет, Витя, ты был не прав, звон этот для «живых», он зовет их чтобы они вставали, выбирались из-под завалов и помогали выбраться другим. (Обнимает Бабку) Вот так-то мать, жить будем! Ведь если вода каждый год обновляется – есть такая Сила, то неужели Она нам, «живым» не поможет? (звон не стихает, все слушают его по разному. Бабка словно пытаюсь услышать сквозь медные звуки голос дочери; Виктор словно услышал его впервые; Семен с видом человека, сделавшего главный выбор; Ирина, глядя вверх что-то горячо шепчет: Дед не слыша звуков, пытается разглядеть их в воздухе; Игорь и Света наблюдают реакцию взрослых на эти звуки. Музыка.)

ЗАНАВЕС